

*Посвящается моей сестре,
сестрам в моей семье и всем сестрам
в нашей большой семье*

Глава 1

*Черный Перигор, Франция
Весна 1944 года*

ЭЛЕН

Эх, будь сейчас конец лета, она вдыхала бы аромат еловой хвои, разогретой солнцем, и следила бы за скворцами и зябликами, порхающими между ветвями. Тогда ее оптимизм мог бы одолеть похожее на клаустрофобию чувство, будто жизнь сдавливает тебя со всех сторон, а старинные каменные дома, покрытые лишайниками, берут в кольцо, когда она в ранние сумерки идет по деревне. Возможно, тогда она помнила бы, что все они обыкновенные люди, пытающиеся наилучшим образом приспособиться к невозможным обстоятельствам. Обыкновенные люди, тоскующие по нормальной жизни.

Элен жаждала дневного света, чтобы видеть больше того, что находилось прямо перед ней. Свет был нужен ей, чтобы видеть перспективу, будущее, чтобы заглянуть в свое сердце. Свет был нужен ей как воздух. Но она твердила себе: когда все это закончится, у нее впереди по-прежнему будет целая жизнь. Так зачем беспокоиться о наихудшем, если оно может и не произойти? Наверняка вскоре они получат ободряющие известия о действиях союзников.

Дойдя до конца деревни, она подняла голову к темно-синему небу и услышала доносившееся с деревьев щебетание ранних вечерних птиц. Элен подумала о сестрах, живущих с ней во Франции, и о матери, оставшейся в Англии. Однажды она спросила у матери: «Я такая же красивая, как Элиза?», имея в виду свою сестру. Мать на это ответила: «Дорогая, у тебя спокойное лицо. Людям нравятся спокойные лица. Такое лицо, как у тебя, означает безопасность».

Элен тогда было всего одиннадцать, и материнские слова больно ее задели. Потом она целых полчаса пялилась в зеркало, но так и не поняла, как ей быть со своим лицом. Элен мяла его, тыкала пальцами в щеки, пробовала разные выражения, надувала губы, гримасничала, а после заявила себе, что ей все равно. Но она знала: это ложь. Ей было далеко не все равно. А теперь? Ее лицо повзросло вместе с ней. Она была высокой, мускулистой, крепко сложенной, пойдя конституцией в отца. От него же она унаследовала прямые светло-каштановые волосы. Обыкновенные волосы. Как ни больно, но мать была права: у нее слишком волевое лицо, а потому красивым его не назовешь, хотя люди восхищались ее добрыми карими, с шоколадным оттенком, глазами и теплой улыбкой. Элен была старшей из трех сестер, наиболее прагматичной и ответственной. Неужели это такое мелочное желание — хотеть услышать от кого-нибудь, что она красивая?

Она часто слышала: война — это битва добра со злом, хотя далеко не всегда было понятно, где добро, а где зло. Нынче ее работа стала гораздо востребованнее, чем ей когда-то думалось. Элен глубоко уважала своего работодателя Уго Маршана, деревенского врача и мэра в одном лице. Она обожала его жену

Мари — эту великодушную женщину, всегда видящую в людях только хорошее и служившую сестрам образцом матери. Но Элен приходилось видеть и слышать много такого — лжи, мелких обманов, поступков, о которых она не смела заикнуться, — чего она предпочла бы не знать.

Миновав небольшое поле, поросшее по краям дикими маками, она вошла в рощу ореховых деревьев, стараясь не столкнуться с разгуливающими там гусями. Оттуда дорожка привела ее к воротам их дома. Увидев, что обветшалые дощатые ворота открыты, Элен нахмурилась.

Она и сестры всегда закрывали ворота.

Их запущенный крестьянский дом, казалось, появился из-под земли естественным образом. Его стены из грубо обтесанного известняка весь день вбирали в себя солнечный свет, отчего ранним вечером от них исходило золотисто-медовое свечение. Элен прошла мимо каштана в саду и бросила взгляд на плющ, обвивший фасад. Плющ никто не трогал, и он каскадами окружал входную дверь. Фиолетовые цветки пассифлоры, которые она так любила, появятся позже. По обе стороны от дубовой двери располагались два окна средних размеров. Окна имели ставни, окрашенные в пыльно-голубой цвет. Поднявшийся ветер заставлял их скрипеть и стонать. Элен невольно вздрогнула.

Толкнув дверь, она поспешила на кухню, где бросила сумку на стол. С грубых, неотесанных балок свешивались пучки сохнувших трав: розмарина, лаванды, лаврового листа, мяты, шалфея, чабреца и других. Подняв голову, Элен вдохнула знакомые запахи, после чего разулась. Туфли она оставила на каменном полу, истертом за несколько столетий ногами тех, кто жил

здесь прежде. Элен нравилось представлять себе этих людей, хотя темными ночами ей было нетрудно вообразить, как их тени до сих пор собираются в угрюмых углах дома, соседствуя с паутиной. Но большинство людей так или иначе жили в тених, и это касалось не только умерших. Элен снова вздрогнула и посмотрела на массивный камин, окаймленный резным камнем. Даже весной по вечерам в доме бывало холодно. Однако огонь в дровяной плите не горел.

Еще в коридоре Элен показалось, что она слышит голоса на втором этаже.

— Привет! — крикнула она. — Флоранс, это ты? Ответа не было.

— Элиза, ты дома?

Глава 2

Элен остановилась в нерешительности, оглядываясь по сторонам. Она уже собиралась на всякий случай заглянуть в гостиную, когда заметила Элизу. Та, кряхтя от натуги, спускалась по лестнице с внушительным узлом, откинувшись назад, чтобы уравновесить тяжелую ношу. Одежда сестры, как всегда, состояла из темных широких брюк, выцветшего синего джемпера и коричневых сапог со шнуровкой. У Элизы были темные вьющиеся волосы и большие выразительные глаза коньячного цвета. Точная копия матери. Увидев сестру, Элен облегченно выдохнула.

— А ты сегодня рано вернулась, — сказала Элиза, но, посмотрев на наручные часы, добавила: — Впрочем, не так уж и рано.

— Ты оставила ворота открытыми.

— Не я. Наверное, Флоранс.

— Я напугалась. — (Тяжелый узел не помешал Элизе пожать плечами.) — И что у тебя там?

— Так, всякая всячина для нового укромного местечка. — Элиза склонила голову набок и прищури-

лась. — А ты знаешь, что у тебя волосы в краске? Прилично измазалась.

— В самом деле? Боже мой!

Элен подошла к зеркалу в прихожей: яркие белые полосы в волосах и маленькое пятно на левой щеке.

Стены прихожей были увешаны картинами, афишами и детскими рисунками сестер, вставленными в рамки. Большое зеркало, в которое сейчас хмуро смотрелась Элен, обрамляла резная рама, богато украшенная гроздьями винограда и вьющейся виноградной лозой. В это зеркало сестры смотрелись большую часть своей жизни. В детстве — сидя на руках у матери, Клодетты; в те дни они улыбались и смеялись, видя собственное отражение. Сейчас — чтобы мельком взглянуть на прическу. К раме была приколотая старая пожелтевшая фотография, запечатлевшая мать с ее сестрой Розали, которая вскоре сбежала из дома. Из всех мест, где довелось жить сестрам, здесь история их семьи, родственные узы и корни ощущались острее всего.

— Как прошел рабочий день? — спросила Элиза.

— Уго попросил покрасить стены в больнице. Этого не делалось много лет, а сейчас, когда там нет пациентов, самое время заняться покраской.

— Что ж, твое разностороннее обучение в больнице Сарла нашло свое применение! Хм... — Элиза почесала затылок, изображая задумчивость. — Когда же это было?

— Это длилось три долгих года, — засмеялась Элен. — Сама знаешь. Кстати, я с удовольствием малярничала. — Элен помолчала и, вспомнив слова сестры, спросила: — Зачем вам понадобилось новое тайное пристанище?

— Немцы становятся все раздраженнее. А раздраженный нацист еще опаснее. Участники Сопро-

тивления стараются, чтобы хватало мест, где можно спрятаться.

— Лучше бы ты залегла на дно, как мы с Флоранс. Элиза, честное слово, из-за тебя мы все можем оказаться под ударом нацистов.

Сестра не ответила.

Элен посмотрела на нее, но, зная, что Элизу не переупрямишь, оставила эту тему.

— А где наша Флоранс? Надеюсь, она не играет в сорвиголову, как ты.

— Едва ли она на это способна, — отмахнулась Элиза. — Возится в саду. Наверное, поливает грядки... Ой, чуть не забыла. Там, на столе, письмо.

— «Чуть не забыла»? — недоверчиво переспросила Элен, поворачиваясь к столу.

Письма к ним приходили так редко, что она и не подумала взглянуть.

— Оно адресовано тебе.

— Марка швейцарская, — сказала Элен, беря конверт. — Штемпель женеvский.

— Вскрой.

— Дождемся Флоранс. Тогда и читаем вместе.

Элен знала, что письмо пришло от Клодетты. Получить письмо из Англии можно было лишь в том случае, если мать сначала отправит его своей подруге Ивонне в нейтральную Швейцарию, а та вложит конверт в другой и отошлет сестрам.

Услышав хлопок задней двери, сестры пошли на кухню. У порога стояла Флоранс. Невысокого роста, лицо сердечком, кожа цвета алебастра, темно-серые с голубым оттенком глаза. Подол ее платья был перепачкан землей, золотистые волосы растрепались, а щеки пылали румянцем от физической работы и свежего воздуха, на котором она провела целый день. Флоранс была женственнее сестер и предпочитала носить

платья и юбки везде, даже во время работы в саду и на огороде.

Элен помахала письмом.

— О-о, наконец-то! От маман?

— Наверное.

Элен вскрыла конверт и торопливо прочла письмо. Затем растопырила пальцы, позволив листу бумаги упасть на кухонный стол.

— И о чем она пишет? — с интересом спросила Флоранс.

— Почти ни о чем. Прочти сама.

Флоранс взяла письмо. Судя по лицу, содержание несколько ее разочаровало. Закончив читать, она передала письмо Элизе.

— М-да, — хмыкнула Элиза. — Какое захватывающее послание!

— Нечего ехидничать по поводу маман, — сказала ей Флоранс.

Элен вздохнула. Она понимала чувства Элизы. Письмо было кратким. Мать писала, что постоянно занята тем, что оказывает посильную помощь армии. Она вступила в «Женский институт», где занималась преимущественно вязанием и варкой варенья. Мать даже не спрашивала, как живется ее дочерям, ни словом не обмолвилась, как трудно им, должно быть, жить в условиях оккупации. Зато она не забыла пожаловаться на шумных соседей и тяготы жизни в Англии, где продукты по карточкам и сплошные ограничения.

— Она хотя бы нам пишет, — сказала Флоранс.

Элиза повернулась и вышла, сгибаясь под тяжестью своего узла.

Глава 3

С утра на Элен напала задумчивость. Она открыла окно своей комнаты, желая послушать перезвон церковных колоколов. Хвала небесам, что сегодня воскресенье и не надо идти на работу! Элен нравилось созерцать волшебные виды в этой части департамента Дордонь, которую их мать всегда называла Черным Перигором. Это была земля дубов и сосен, каменных ущелий и замков на вершинах скал. Только здесь существовали на редкость красивые деревушки. Их дома, построенные из известняка, казались ломтями белого хлеба, намазанными маслом. Элен смотрела, как солнце пробивается сквозь туман раннего утра, чтобы посеребрить ленту реки и позолотить крыши. Здесь царила настоящая весна. Воздух был свежим и прозрачным, как хрусталь.

— Как чудесно мы здесь заживем! Правда, Элен? — спрашивала Флоранс семь лет назад, когда они только поселились в старом летнем доме, унаследованном матерью.

Извилистая дорога соединяла дом с ближайшим городком Сент-Сесиль.

Бедняжке Флоранс тогда было всего пятнадцать, и Элен, вдруг оказавшаяся *in loco parentis*¹, постоянно напоминала себе, что ее младшая сестра еще ребенок.

— И мы побываем в замках и пещерах? — допытывалась простодушная Флоранс.

— Конечно. Обязательно побываем, — отвечала Элен, всеми силами желая сохранить невинные представления младшей сестры о мире.

Внезапная смерть отца Шарля Бодена бесповоротно изменила жизнь каждой из сестер.

В детстве мать часто приезжала в Сент-Сесиль на каникулы. Наведывалась она сюда и в первые годы замужества; в основном летом, когда отец работал дома. Он был наполовину англичанином и наполовину французом. До своей смерти отец служил чиновником в лондонском Форин-офисе. В деревне хорошо помнили прежнюю маман, и потому сестры без труда вошли в деревенское сообщество, хотя находились и те, кто не одобрял решение Клодетты, возмущаясь, как она могла отправить трех дочерей в самостоятельную жизнь.

— Прогуляюсь в кафе, — сообщила Элиза, приоткрыв дверь.

— В воскресенье? — Элен пристально взглянула ей в глаза.

— Всего на несколько минут.

— Не боишься?

— Конечно боюсь. Едва проснусь, и до самой ночи страх постоянно со мной. Те, кто говорит, что им не страшно, врут.

— Элиза, прошу тебя, будь осторожна.

¹ В положении родителей (*лат.*). — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Беспокоишься по пустякам, как старуха, — засмеялась Элиза.

— Это создает тебе романтический ореол? — спросила Элен. — Будоражит кровь?

— Конечно же нет. Работа в Соппротивлении опасна, а не романтична. Видела бы ты тех людей, тогда бы поняла.

— Прости. Я не хотела тебя...

— Они вынуждены прятаться в ужасных местах, — не дослушав сестру, перебила Элиза. «Ну как она не понимает?» — говорило ее нахмуренное лицо. — Терпеть голод и холод. Помнишь, как мы мерзли зимой?

— Элиза, прошу тебя...

— А когда я разношу оружие, пряча его под картошкой в продуктовой сумке, то рискую больше, чем если бы направляла это оружие на врагов.

— Вот это-то меня и страшит, — вздохнула Элен.

Элиза бесшумно подошла к двери, потом обернулась и сердито посмотрела на сестру.

— Я же извинилась, — напомнила ей Элен.

— А люди думают, будто мы бандиты какие-то. Террористы, — бросила она, пропустив слова Элен мимо ушей. — Нет, Элен, тут никакой романтики нет.

Входная дверь шумно захлопнулась. У Элен испортилось настроение. Она терпеть не могла ссор с Элизой и вовсе не собиралась преуменьшать важность того, чем занималась средняя сестра, но раздраженная Элиза делалась неуправляемой. Элен в растерянности стояла посреди комнаты, как вдруг услышала вопль из комнаты Флоранс. Мирного утра как не бывало! Вздохнув, Элен накинула халат и поспешила младшей сестре на выручку. Флоранс забилась

в угол. Ее лицо было бледнее обычного. Окно было открыто, и легкий ветерок теребил шторы из светлого муслина.

— Слышала? — отрешенно спросила Флоранс, поворачиваясь к Элен.

— Извини, но я ничего не слышала.

— По-моему, это была... лесная фея.

Элен едва удержалась, чтобы не выпучить глаза. Некогда ей разбираться с мечтами и фантазиями младшей сестры.

— Флоранс, проснись, — твердо произнесла Элен. — Лесных фей не существует. Здесь летают только стрекозы. Ты услышала шум снаружи и не более того.

— Ты так думаешь? Мне показалось, что я видела ее. Она была в белом платье. Присела в изножье кровати.

— Если бы лесные феи существовали, чего быть никак не может, то обитали бы в пещерах и гротах. — Элен засмеялась, но по-доброму и протянула сестре руку. — Они бы не прилетали и не садились на кровать обычной девушки.

Флоранс на мгновение прищурилась, затем взяла протянутую руку и встала с пола.

— Ты права. Но мне подумалось, что я слышала ее нашептывания.

— Нашептывания? О чем?

— О жутких вещах, — пробормотала Флоранс.

— Тебе всего-навсего приснился сон. Понимаешь?

— Да, — повесив голову, ответила Флоранс. — Прости.

Несколько военных лет заставили младшую сестру повзрослеть, но и сейчас она оставалась хрупкой

и восприимчивой, сохраняя наивность, свойственную ей с детства.

— Забудь об этих нашептываниях, — добавила Элен, крепко обняв Флоранс. — Одевайся. Может, напечем блинчиков? У нас еще остались лимоны и мед.

— А ты знаешь, что они создают ветер?

— Кто?

— Как кто? Лесные феи. И они же могут его успокоить... Во всяком случае, я читала об этом.

Как Элен ни подавляла в себе раздражение, оно все же прорвалось.

— Флоранс, ну сколько можно?! Все это досужие сплетни вроде лурдских «чудес». Давай одевайся.

— Куда пошла Элиза? — спросила Флоранс. — Я слышала, как хлопнула дверь.

— Открывать свой чертов «почтовый ящик», куда ж еще? Я так хочу, чтобы она прекратила это делать.

— Она не прекратит. Она верит в то, что делает. Как и ты. Ты веришь в свою работу медсестры. Веришь, правда? — Флоранс взглянула на сестру.

Элен пошла к двери, раздумывая над вопросом. А верит ли она?

— Элен!

Элен обернулась:

— Иногда мне кажется... одна ты у нас веришь в то, что делаешь.

— Моя возня с огородом и приготовление еды — это не те занятия, в которые надо верить. Просто работа, которую я делаю.

— Но ты делаешь то, что любишь.

— Полагаю, что так...

Наконец-то Элен выкроила себе свободных полчаса на чтение. Она читала роман Сомерсета Моэма «Час перед рассветом» и пришла к выводу, что Дора наверняка окажется нацистской шпионкой. Не очень-то успокаивающий вывод. Может, лучше почитать Агату Кристи? Как назло, снаружи послышался голос Флоранс: сестра ее звала. Элен встала, неохотно захлопнув книгу.

Рядом с задним крыльцом расцвела акация. В воздухе носился ее тонкий аромат, похожий на жасминовый. Элен неспешно вдохнула теплый весенний воздух, затем прошла по небольшой террасе, окруженной низкой каменной стеной. Дальше ее путь проходил по каменным ступенькам и извилистой дорожке, проложенной Флоранс, когда сестра только еще занималась устройством сада и огорода.

Раскрасневшаяся Флоранс копалась в нижней части сада, рядом с клумбами розовых и пурпурных орхидей. Руки сжимали лопату. Светлые волосы разметались по плечам и были всклокочены, невзирая на заколки у висков.

— Ну что еще? — спросила Элен. — Я только устроилась почитать.

Флоранс недоуменно поглядела на сестру:

— Там что-то есть.

— Ты вечно выкопаешь какое-нибудь старье.

— На этот раз не старье. Похоже, там что-то зарыто, причем недавно. Я и не собиралась копать глубоко, но наткнулась на рыхлую землю. — В подтверждение своих слов Флоранс легко вонзила лопату в землю.

— Надо же! Неужели могила?

— Боже, только не могила. Меня удивило, почему это место вскопано, и я решила посмотреть, что

там. Сверху оно было прикрыто камнями. Когда я их убрала, копать стало совсем легко.

Элен заглянула в яму и увидела край большого металлического ящика или канистры.

— Давай вытащим.

— Я пыталась. Он слишком тяжелый.

— Дай лопату.

Флоранс протянула ей лопату. Элен принялась окапывать землю вокруг ящика, чтобы его было легче подхватить и поднять. Через несколько минут, когда сердце колотилось от затраченных усилий, она выпрямилась и отвела с глаз взмокшие от пота волосы.

— Пожалуй, достаточно.

Вдвоем сестры взялись за ящик, оказавшийся больше и тяжелее, чем они думали. Кое-как им удалось вытащить его и поставить на траву.

— Надо перенести в дом, — сказала Флоранс. — Можешь немного обождать? Я хочу срезать несколько гроздьев акации. Люсиль обещала зайти. Будет чем угостить. Она сделает мне прическу. И клубника уже поспела. Сорт «гаригетт». Я испеку клубничный пирог.

У Элен потекли слюнки, хотя пироги, в которых почти не было пшеничной муки, по вкусу напоминали картон. Флоранс выращивала клубнику и другого сорта — «шарлотта». Та замечательно шла с густыми сливками. Элен смотрела в пространство, представляя себе это лакомство. Густых сливок у них не было.

Люсиль Дюбуа, рыжеволосая подруга Флоранс, вместе с матерью владела небольшой парикмахерской в Сарла. Люсиль и Флоранс были закадычными подругами, однако Сандрин, мать девушки, с самого начала поддерживала режим в Виши и считала колла-

борационизм единственным способом пережить нынешнюю войну. «Поддержка Виши — единственный способ показать, что мы патриоты нашей любимой Франции», — с пафосом повторяла она. Элен и Элиза презирали сторонников Виши, готовых с радостью лизать коллективную немецкую задницу. О том, каких взглядов придерживается Люсиль, Элен не знала. В свои девятнадцать та была хорошенькой и пышной, как ее мать. Розовые губки, белолицая, с несколькими крапинками веснушек на носу и щеках. Возможно, глуповатая и легкомысленная. Люсиль постоянно хихикала и любила посплетничать, но Флоранс ее обожала. Они делали друг дружке маникюр, и Люсиль стригла Флоранс.

— Дорогая, из-за дел нашей Элизы Люсиль не сможет к нам прийти! — произнесла Элен тоном, не терпящим возражений.

— Она бы никому ничего не сказала.

— Послушай, почему бы нам с тобой, чем звать ее в гости, не примерить лучше старые шляпы маман?

— Где они? Я их целую вечность не видела.

— Где-то на чердаке.

Флоранс срезала гроздь акации. Внимание сестер вернулось к металлическому ящику. Он был слишком тяжелым, такой не потащишь по ухабистой земле. Зато Элен без труда подняла крышку. Увидев содержимое ящика, она нахмурилась.

— Что там? — спросила Флоранс. — Выглядит как колбаски в обертке.

Элен осторожно развернула ткань, в которую была завернута одна из «колбасок».

— Боже мой! — поморщилась она.

ДОЧЕРИ ВОЙНЫ

— Никак это пластилин? — удивилась Флоранс. — Какой странный серый цвет.

Помимо «колбасок» в ящике находились какие-то стержни, провода и другие предметы.

— Зачем все это? — допытывалась Флоранс.

— Для взрывов. Это взрывчатка и все необходимое, чтобы привести ее в действие.